

НОВГОРОД В ДНЕВНИКЕ ЖИЛЬБЕРА РОММА

«Voyage de St. Pétersbourg à Moscou» (1781 г.)

Среди отзывов иностранцев, посетивших Новгород на протяжении всей его многовековой истории, дневнику Жильбера Ромма «Voyage de St. Pétersbourg à Moscou» принадлежит совершенно особое место. Пожалуй, за всю почти тысячулетнюю историю древнего города, едва ли найдётся ещё одно сочинение, в котором запись о его посещении являлась бы свидетельством отражения традиционного противостояния культур Франции и Англии.

Жильбер Ромм вошёл в историю прежде всего как участник Французской революции, деятельнейший член якобинского клуба, «цареубийца», «последний монтаньяр», отправивший на эшафот Людовика XVI, а также как создатель республиканского календаря. Но для российского читателя Жильбер Ромм интересен прежде всего тем, что почти одиннадцать лет он был воспитателем Павла Строганова, или Попо, как называли его в строгановском семействе. Для Попо Ромм был не просто французским гувернёром, каких в изобилии можно было встретить в аристократических семействах того времени. «Наш сын», так Строганов-отец, покинутый супругой, именовал Попо в письмах к воспитателю, как бы признавая тем самым, что разделяет с Роммом права отцовства. Французскому наставнику было суждено сыграть необыкновенную роль в судьбе своего воспитанника: Ромм чуть было не перевернул вверх дном всю жизнь русского юноши, единственного наследника своего отца.

Ромм вместе с Попо совершал путешествие по России в учебных целях. Свои наблюдения путешественники записывали в дневники и пересылали их Строганову-отцу. В 1784 г. они совершили путешествия к Белому морю, в 1786 г. — к Чёрному, в Крым. В 1781 г. путешественники побывали в Нижнем Новгороде и Казани, в 1783 г. ездили из Петербурга в Выборг и на Иматру.

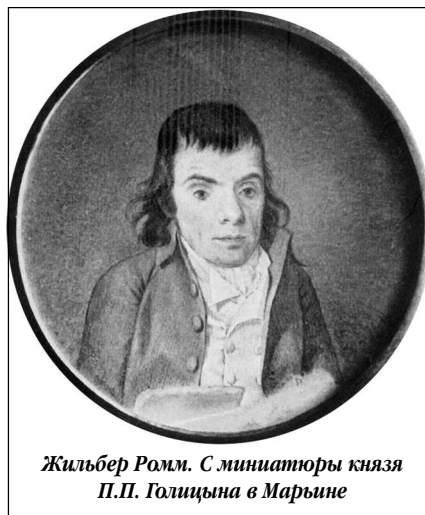
С 11 по 20 июля 1781 г. Ромм и Попо совершили вояж из Петербурга в Москву. Путь их, естественно, пролегал через Новгород. С ними ехал известный учёный и путешественник П.С. Паллас. Он заставил своих спутников забыть о неудобствах монотонной дороги. Ромм внимательно слушал всё, что рассказывал их спутник. Вести подробный дневник путешествия было некогда. Поэтому в него попали лишь отдельные

наблюдения. В них невозможно распознать будущего революционера-якобинца. При чтении дневника, сразу бросается в глаза, что он составлен естествоиспытателем, натуралистом, минерологом. Прежде его интересуют необыкновенные явления природы, инженерные сооружения, встречающиеся по дороге минералы. На 403 версте от Петербурга в 27 шагах от

мостка путешественники обнаружили залежи прекрасного гранита, а на 399-й, прямо посреди дороги, — чёрного роговика. В Вышнем Волочке они наблюдали канал, соединяющий Тверцу с Мстой, одноарочный мост, шлюз. В восьми верстах от Выдропуска на скале остались три груды яшмы, вполне пригодной для ювелирных работ. В Твери путешественники узнали, что из 13 тысяч жителей едва ли найдется 30 больших: трудно сыскать более благоприятное для здоровья место с таким же целительным воздухом и столь же чистой водой. По предсказаниям Палласа в Медном в середине лета под травяным покровом должен был лежать лед. Но его там не оказалось. Обыватели объяснили, что такое необычное явление

случилось всего один раз и было вызвано капризами погоды. При выезде из Торжка путешественники обнаружили много кремня, наполненного окаменевшими раковинами, и кусок вулканического туфа весьма необычного состава. 20 июля они прибыли в Москву. Судя по всему, Ромма мало интересовали достопримечательности древней столицы. Хотя Ромм отметил, что этот огромный город, насчитывающий почти 1600 церквей и около 500 000 жителей, содержит много любопытного для иностранца. Француз не стал уделять им внимания, несмотря на довольно долгое пребывание в Москве. Из всех её достопримечательностей он видел только царьколокол, да и то только потому, что его интересовали размеры этой диковинки: 1200 пудов веса, 640 по* — в окружности, 20 — в диаметре.

Искусство как таковое совершенно не интересовало Жильбера. Когда Ромм впервые посетил Версаль, то его внимание привлекла лишь организация института глухонемых, в Марли — только устройство гидравлических сооружений. В истории он не видел никакого толка: как

Жильбер Ромм. С миниатюры князя П.П. Голицына в Марьине

* По — французская средневековая мера длины.

отрасль человеческих знаний он считал её совершенно бесполезной. Она наводила на него скуку и вызывала отвращение. «*L'histoire est la branche qui me déplut le plus*», — писал Ромм. Нельзя сказать, что в то время, когда он совершал свой вояж в Москву, ему были совершенно чужды социальные вопросы. Оценки Ромма озадачивали его биографов.

В Новгороде Ромм оказался 12 или 13 июля и оставил об этом краткую запись. Простое перечисление знаковых эпизодов биографии Ромма даёт основание ожидать, что посещение Новгорода, явившегося символом борьбы против деспотизма, ярким свидетельством исконности демократических институтов, должно было породить отзыв, окрашенный в яркие политические тона, пропитанный антисамодержавным пафосом. Таким Новгород изображался дворянскими революционерами-декабристами. Таким он предстал и на страницах знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Но, увы! Ничего подобного в бумагах Ромма нет. Однако никто не задавался вопросом, насколько оправданно отождествлять написанное Роммом с его внутренними убеждениями, без учёта того, как, в каких обстоятельствах и с какими целями губернатору пришлось высказываться о крепостничестве. Никто из учёных не соотносил высказывания Ромма с позицией его патрона А.С. Строганова в решении крестьянского вопроса, а в этом кроется ключ к верному пониманию его позиции.

Учёные не учитывали такого важного факта, что Ромм, пересылая дневники путешествий Строганову-отцу и, следовательно, все оценки крепостного состояния предназначались для глаз русского вельможи, владельца 12 тысяч крепостных душ, и были тщательно согласованы со взглядами патрона. Невозможно поверить, чтобы Ромм был настолько ослеплён, что умудрился не заметить вопиющие факты крепостнического произвола в России. Хотя французский губернатор не интересовался политическими вопросами, но даже простой наблюдательности пытливого учёного было достаточно для того, чтобы не пожелать Франции такого рабства, какое существовало в России. Невозможно поверить, что столь внимательный в Версале глаз Ромма обрёл иное зрение в Петербурге.

ЛИТЕРАТУРА

Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario. Torino, 1959.
Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. (1750—1795). Paris, 1971.
Haltsonen S. Gilbert Romme et son récit de voyage en Finlande // *Mélanges de philologie offerts à Tauno Nurme*. Turku, 1967.
 Roucerdin Ph. Romme dans l'histoire de la Révolution française // *Romme G. Correspondence (1774—1776)*. Vol. 1. T. 1. Clermont Ferrand, 2006.
Тободінов А. Les papiers de Gilbert Romme aux archives Russes // *Actes du Colloque de Riom* (19 et mai 1995).

Бартнев П.И. Жильбер Ромм (1750—1795). К истории образованности нового времени // *Русский архив*, 1887. № 1.
 Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П.А. Строганов (1774—1817). Т. 1—3. СПб., 1903.
Далин В.М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор // *Вопросы истории*, 1966. № 6.
Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992.
 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 3, 16, 19.
Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма. (Его рукописное наследство в архивах СССР) // *Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук*. Вып. 6. Л., 1940.

Раткевич К.И. Путешествие Жильбера Ромма в Крым в 1786 г. // *Ромм Жильбер. Путешествие в Крым*. Л., 1941.
Сафонов М.М. История одной рукописи: Радищев и Ромм // *Русская литература*. 2004. № 4.
Сафонов М.М. Жильбер Ромм, Александр Радищев, или два «Путешествия из Петербурга в Москву» // *Великая французская революция, империя Наполеона и Европа*. Материалы международной научной конференции. СПб., 2006.
Шаркова И.С. Фонд Жильбера Ромма // *Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР*. Л., 1982.

Несомненно, речь должна идти о пере французского губернатора. В данный момент оно выражало взгляды того круга, настроения которого Ромм, призванный служить ему, не мог не учитывать. Если такое предположение верно, то можно быть уверенным, чтобы ни рассказывали Ромму о Новгороде, как бы там ни сокрушались об утраченном прошлом, никаких реминисценций, а тем более республиканских симпатий, если они и были кем-либо высказаны в этом историческом месте, в дневник путешествия попасть не могло. В своей записи о Новгороде Ромм ограничился буквально следующими:

«В Новгороде память об одном проявлении английского сумасбродства, которое достойно войти в летописи этого

*нелепого народа. Один англичанин поспорил на весьма малую сумму, что три раза пройдёт между языком колокола и колоколом, когда тот будет звонить. Прошёл раз, прошёл другой, на третий раз язык колокола раскрыл ему голову о колокол. Он проиграл пари и потерял жизнь. Но этот нелепый случай не стал ещё одним уроком, как и прочие, столь же сумасбродные и трагические».**

Это написал не будущий революционер, не якобинец, а просто француз. Для него Новгород оказался интересен прежде всего тем, что этот древний русский город представил ему ещё одно яркое доказательство неприемлимости всего английского, будь то страсть к пари или личное бесстрашие. Как бы то ни было, но Ромм зафиксировал

в своём дневнике курьёз, который едва ли сохранили новгородские источники. Правда, осталось неизвестным, не подыгрывал ли Ромм и в этом своему патрону, впитавшему за себя за долгое пребывание в Париже дух французской культуры, как это он делал, рассуждая о крепостном праве в России.

* «À Novgorod on conserva la memoire d'un trait de folie anglaise bien digne de figurer dans les annales grotesques de cette nation bizarre, il paria une fort modique somme qu'il passerait trois fois entre le battant de la cloche pendant qu'il sonnerait, il a fut bien passé la première et la seconde fois mais à la troisième le battant lui a cassé la tête sur la cloche, il a perdu sa vie avec sa gageuse sans que ce trait serve de leçon plus que tout d'autres aussi extravahante et aussi tragique que celui-ci». (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 3. № 19. Л. 2.) Перевод автора.